

Приняв решение уйти, Лян Сычжэ снова склонился над сценарием.

Он уже получил от Цао Е достаточно и теперь хотел вернуть ему этот шанс в первоизданном виде. Более того, он хотел помочь Цао Е воплотить образ сяо Маня.

Проштудировав за последнее время несколько книг по актёрскому мастерству, он в общих чертах понял, что это за профессия. По сути, самое важное для актёра — это умение понимать. Используя несколько тонких листов сценария, нужно суметь представить себе живого человека.

По мнению Лян Сычжэ, самое главное — понять характер персонажа и мотивы его поступков. Например, сяо Мань — сын хозяйки бани, тёти Фан. Помимо посещения школы, его повседневная жизнь заключалась в том, чтобы помогать матери: он носил в баню горячую воду для посетителей. Кроме того, каждый день перед закрытием бани тётя Фан громко звала сяо Маня, который в своей комнате корпел над домашним заданием, чтобы он вышел к посетителям и сыграл на скрипке.

С каким выражением лица сяо Мань выходил из комнаты и играл на скрипке? В сценарии об этом не говорилось. Но, судя по гнетущей обстановке и его пассивному поведению, он, должно быть, был покорным мальчиком. Поэтому, играя на скрипке, он, вероятно, выглядел отрешённым, с едва заметным оттенком раздражения.

Любил ли сяо Мань скрипку? Однозначного ответа не было. Ему нравилось, когда в автобусе на него смотрели пассажиры, потому что это льстило его тщеславию. Но когда он выходил из автобуса и шёл по переулку к бане, ему это не нравилось, потому что у входа ошивались хулиганы, которые грубо требовали у него деньги. Если он не давал им денег, они пинали его и пытались отнять скрипку, крича: «Если у тебя нет денег — продай свою дурацкую скрипку!» Когда сяо Мань съёживался, защищая свою скрипку, он, на самом деле, ненавидел её.

И вот однажды, когда сяо Мань жил своей скучной, однообразной жизнью, в баню пришла женщина. Она была модно одета, благоухала духами, на губах у неё была яркая помада. Она совершенно не вписывалась в атмосферу этого переулка... О чём думал сяо Мань, когда нёс ведро с горячей водой для Пэн Янь и сквозь щели в деревянных стенах видел её обнажённое тело?

Каждое действие персонажа, похоже, было продиктовано его эмоциями и мотивами.

Фильмы, как правило, короткие, редко длятся более 120 минут. Чтобы за это время с помощью последовательности кадров рассказать историю, каждый кадр должен быть осмысленным. И актёр, в этих, казалось бы, обычных сценах, своими действиями создаёт образ своего персонажа.

Лян Сычжэ подумал, что, возможно, он сможет немного помочь. Он неплохо разбирался в людях. Когда он играл на скрипке, самым главным для него было понять душевное состояние и чувства композитора. Только полностью поняв, он мог передать их слушателям через свою

игру.

«Наверное, между музыкантом и актёром есть что-то общее, — подумал Лян Сычжэ. — Похоже, что и для тех, и для других самое важное — понимание и сопереживание. А как добиться сопереживания, Цао Сююань, вероятно, научит Цао Е, когда они окажутся на съёмочной площадке. Но сейчас он мог помочь Цао Е хотя бы с пониманием».

При этой мысли Лян Сычжэ почувствовал просветление. Он прочитал много книг и посмотрел много фильмов, но до сих пор не понимал, как сыграть роль хорошо. Неожиданно, отказавшись от мысли стать актёром, он словно постиг истину и обрёл собственное понимание актёрского искусства.

Месяц назад, узнав, что этот редкий шанс сняться в кино, скорее всего, упущен, Лян Сычжэ и представить себе не мог, что спустя месяц он так спокойно сможет от него отказаться.

Листая сценарий, Лян Сычжэ обдумывал свои дальнейшие планы. Он решил, что выберет раннее утро, когда небо еще просыпается, и тихо уйдет, пока Цао Е спит. А пока... он поможет ему разобраться в образе сяо Маня.

Возможно, в будущем он станет самым обычным человеком. Думая о том, как он будет вспоминать это лето, когда ему было восемнадцать, и он вместе с Цао Е работал над образом сяо Маня, а затем будет смотреть, как тот благодаря этой роли становится известным на всю страну, он понимал, что всю оставшуюся жизнь сможет пересматривать этот фильм и вспоминать это лето на улице Иньсы. Если думать об этом таким образом, кажется, стать заурядным человеком не так уж и страшно.

Около семи часов вечера за окном начало темнеть. Текст сценария было уже плохо видно. Цао Е всё ещё лежал на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Лян Сычжэ отложил сценарий и встал с кровати. Подойдя к Цао Е, он наклонился, оперся одной рукой о край кровати, а другой похлопал его по спине:

— Всё ещё лежишь?

— ...А? — сонно отозвался Цао Е. — Сколько времени?

— Уже больше семи. Ты что, правда заснул? — Лян Сычжэ погладил его по волосам. Он не мог удержаться, когда видел Цао Е таким.

— Не думай, что я ничего не чувствую, когда сплю. — Цао Е накрыл его руку своей. — Не трогай... Ой, всё, у меня всё затекло. Помоги мне перевернуться...

— Тогда убери руку, дай мне тебя потискать, — поддразнил его Лян Сычжэ.

— Нет, я тогда не вырасту. Это дело принципа. — Цао Е убрал его руку и, стиснув зубы, попытался перевернуться, опираясь на кровать одной рукой. — Я и сам могу...

Лян Сычжэ рассмеялся и всё-таки помог ему сесть.

Цао Е шумно втянул воздух, разминая плечо, и поморщился:

— Почему я всё время забываю, что мне нельзя спать на животе?..

Сейчас он выглядел как обычно, и Лян Сычжэ понял, что инцидент с кондиционером исчерпан. Цао Е всегда быстро отходил. Так было и в прошлый раз, когда приезжал Цао Сююань. Он немного похандрил, а потом снова был полон энергии.

Спускаясь вниз на ужин, Цао Е снова взял с собой видеокамеру. Он обнял Лян Сычжэ за шею и сказал:

— Ты такой хороший, Лян Сычжэ.

— Да? — посмотрел на него Лян Сычжэ.

— Ты знал, что мне жарко, и тайком установил кондиционер. Ты даже лучше, чем Линь Янь.

— Правда?.. — улыбнулся Лян Сычжэ.

— Я решил, что тоже стану режиссёром, — заявил Цао Е. — Мы вместе снимем фильм, который затмит фильм моего отца. Чтоб ему провалиться!

Слово «провалиться» он произнёс на кантонском диалекте, и это прозвучало немного комично. Лян Сычжэ рассмеялся:

— Ты серьёзно? Ты же не хотел быть режиссёром?

— Эх, да, — тут же сник Цао Е. — Быть режиссёром — это такая морока. К тому же, он гений, я никогда не сниму фильм лучше, чем он... А если я провалюсь, это же будет такой позор.

— Да, будет невесело, — рассмеялся Лян Сычжэ.

— А ты будешь сниматься в моём фильме?

— Наверное, нет.

— Как ты можешь?! — Цао Е крепче обнял его за шею. — Будешь сниматься или нет?

Он говорил грозно, но на самом деле почти не сжимал руку. Лян Сычжэ подыграл ему:

— Ладно, буду.

— В чём фильме? В моём или моего отца?

— В твоём, — улыбнулся Лян Сычжэ. — Если проваливаться, так вместе.

— Кто сказал, что мы провалимся? — Цао Е повернулся и посмотрел на него. — Мы не провалимся.

— Хорошо, — согласился Лян Сычжэ. — Не провалимся.

Неизвестно, было ли это связано с тем, что он установил для себя срок ухода, но после этого время словно ускорилося. В мгновение ока они добрались до конца сценария, и в руках осталось лишь несколько тонких листов.

Сяо Мань, закончив урок игры на скрипке, шёл домой со скрипкой за спиной. Проходя мимо дома, где жила Пэн Янь, он остановился, немного помедлил, а затем поднялся по лестнице. Он тайком следил за Пэн Янь и знал, где она живёт, но никогда не решался подняться за ней.

Он обходил квартиры одну за другой, прислушиваясь к звукам за дверями и заглядывая в крошечные дверные глазки, чтобы увидеть горит ли внутри свет. Поднявшись на предпоследний этаж, он услышал резкий звук, будто этажом выше по полу двигали мебель. Он быстро побежал вверх. Из-за двери доносились истеричные крики женщины, грубый рёв мужчины и глухие удары о стену.

Какой-то мужчина избивал Пэн Янь. Сяо Мань это понял. Из-за двери доносились обрывки ругательств Пэн Янь. Он испугался, что её могут убить и начал изо всех сил стучать в дверь. Шум внутри прекратился. Затем послышался грубый мужской голос:

— Кто там?

— Это сосед снизу, — стараясь говорить спокойно, ответил сяо Мань. Он снял скрипку со спины и крепко сжал её в руках. — У вас вода протекает.

Мужчина, ругаясь, открыл дверь. Как только он её приоткрыл, неизвестно откуда взявшаяся Пэн Янь схватила стул и изо всех сил ударила мужчину по затылку. Мужчина увернулся, и стул попал ему в плечо. Разъярённый мужчина, потеряв самообладание, попытался выхватить у неё стул, чтобы ударить её. В этот момент сяо Мань протиснулся в дверь, замахнулся

скрипкой и изо всех сил ударил мужчину по затылку. Скрипка попала в основание черепа. Мужчина пошатнулся. Сяо Мань, словно обезумев, продолжал бить его скрипкой по голове...

Лян Сычжэ вспомнил, как тем вечером они обсуждали эту сцену на крыше. Он сидел на краю крыши, а Цао Е сидел рядом на корточках, положив руку ему на плечо.

— Как думаешь, почему сяо Мань потерял контроль? — Цао Е поднял голову от сценария и посмотрел на Лян Сычжэ. — Ведь хватило бы нескольких ударов, чтобы тот мужчина потерял сознание. Но в итоге он его убил.

Тон сценария был мрачным и гнетущим. У каждого персонажа была своя история. Эмоциональные изменения сяо Маня были скрытой линией сценария. Они постепенно, незаметно накапливались, а затем вырвались наружу в кульминационной сцене.

Отношения между сяо Манем и Пэн Янь были описаны очень туманно. На первый взгляд, между ними не было никакой особой связи. Даже в тех нескольких сценах, где они появлялись вместе, между ними не было глубокого взаимодействия.

Например, когда Пэн Янь выходила из бани, сяо Мань тайком наблюдал за ней из своей комнаты. Он хотел, чтобы мать позвала его сыграть для Пэн Янь на скрипке, но тётя Фан презирала и одновременно завидовала Пэн Янь и никогда не разговаривала с ней, запрещая и сяо Маню с ней общаться.

Или, например, когда сяо Мань выносил мусор и увидел Пэн Янь, сидящую на ступеньках у стены и медленно курящую сигарету. Он засмотрелся на неё. Пэн Янь поманила его к себе, и он неловко присел рядом. Пэн Янь была очаровательной женщиной, а сяо Мань — всего лишь наивным подростком. Женщина дала подростку затянуться сигаретой. Они молчали, просто сидели рядом и смотрели на улицу.

Остальные сцены в основном состояли из тайных взглядов и слезки сяо Маня. Чаще всего в сценарии повторялась сцена, где сяо Мань через узкую щель в двери своей тесной комнаты наблюдал за мокрой после душа Пэн Янь.

Почему сяо Мань потерял контроль? Лян Сычжэ тоже думал об этом. Ему казалось, что, не разобравшись в чувствах сяо Маня, он не сможет понять причину его срыва... Насилие со стороны мужчины и изнасилование стали лишь последней каплей, но не истинной причиной убийства.

Пока он размышлял, Цао Е задал ещё один вопрос:

— Как ты думаешь, что чувствовал сяо Мань к Пэн Янь?

— Наверное, немного ей завидовал, — ответил Лян Сычжэ, назвав самую очевидную причину. Первоначальный интерес сяо Маня к Пэн Янь был вызван тем, что они жили в совершенно разных мирах. Его мир был замкнутым и подавляющим, а Пэн Янь казалась свободной и независимой.

— Завидовал? Да, немного. И ещё, наверное, был ей благодарен? — задумчиво произнёс Цао Е.

В сценарии была сцена, где сяо Мань шёл по переулку со скрипкой за спиной, и его снова окружили хулиганы, требуя денег. В тот раз его спасла Пэн Янь. Она достала из кошелька деньги и бросила им в лицо. Хулиганы, которые засматривались на Пэн Янь, тайно желали её и оскорбляли, не посмели сказать ни слова, когда она бросила им деньги в лицо. В тот вечер сяо Мань пошёл за ней и поблагодарил. Это был их самый длинный разговор. Сяо Мань узнал, что её зовут Пэн Янь, что она замужем. Пэн Янь узнала, что сяо Мань учится играть на скрипке, но играет не очень хорошо.

— Да, был благодарен. Ему было любопытно. — Лян Сычжэ опустил глаза и задумался. — Я думаю... возможно, ещё и любовь.

— А? — опешил юноша. — Откуда ты это взял? Пэн Янь же замужем...

— Безответная любовь тоже считается любовью, — глядя вдаль, сказал Лян Сычжэ.

Пятиэтажное здание «Лазурной вечеринки» не было высоким, но с него можно было увидеть дорогу, по которой, словно стая птиц, возвращающихся в свои гнёзда, мчались машины.

— О, — сделав вид, что понял, произнёс Цао Е.

— Да, ещё и фантазии, — продолжил Лян Сычжэ. — Пэн Янь для сяо Маня — это его самая прекрасная мечта. Я думаю, что он потерял контроль в тот момент, когда эта мечта была разбита вдребезги, и он почувствовал безысходность.

— Точно, мечты... — Цао Е кивнул с внезапным озарением. — Сяо Мань всё это время лелеял мечту о свободной и беззаботной жизни, как у Пэн Янь. Но когда горькая правда о её существовании открылась, его иллюзии развеялись, как дым, а вместе с ними и надежда вырваться из оков унылой реальности.

— Угу, кроме того, у него, наверное, были и другие фантазии... — немного задумчиво сказал Лян Сычжэ.

— А? Какие?

— О, никакие, — пришёл в себя Лян Сычжэ. — Ты буквально озвучил мои мысли.

Он хотел сказать о сексуальных фантазиях. Лян Сычжэ подумал, что, скорее всего, Цао Сююань расскажет об этом Цао Е, но вслух так и не произнёс фразу «сексуальные фантазии».

На самом деле сексуальная фантазия сяо Маня о Пэн Янь возникла в тот момент, когда он её увидел. Когда Пэн Янь впервые появилась, сяо Мань той ночью играл на скрипке «Послеполуденный отдых фавна», и эта композиция могла стать своего рода тонким намёком.

Сексуальная фантазия — была самой чудесной мечтой юного сяо Маня о жизни. Изнасилование Пэн Янь разрушило обе его мечты — о жизни и о любви. Это, вероятно, и было главной причиной, по которой он потерял контроль.

Кроме того, без сексуальных фантазий, вероятно, не может быть и любви... Лян Сычжэ вспомнил статью, которую читал о «Послеполуденном отдыхе фавна». Там говорилось, что сексуальные фантазии являются отправной точкой для любви.

«А есть ли у меня сексуальные фантазии о Цао Е?» Эта мысль неожиданно пришла ему в голову и пронзила его, заставив вздрогнуть. «Как это возможно? Лежать на кровати с другим юношей, тесно прижавшись телами друг к другу... Стоп, что за жуткая картина?»

— О чём ты думаешь? — посмотрев на него, в этот момент спросил Цао Е.

— Ни о чём... — ответил Лян Сычжэ, приходя в себя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130263>